

УДК 93.94

Васильева Н. Ю., Сидоров А. Ю.

Московский государственный институт международных отношений (Университет)

Министерства иностранных дел России

119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

ПРОБЛЕМА РУССКОЙ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотрение советского восприятия русской пореволюционной эмиграции в контексте ключевых внешнеполитических вызовов Стране Советов первой половины 1920-х гг.

Процедура и методы. На базе принципов историзма и научной объективности авторами проведён анализ ряда архивных и официальных советских документов, а также части мемуарно-публицистического наследия Зарубежной России, относящихся к проблематике исследования.

Результаты. Сделан вывод, что в указанный период большевики рассматривали пореволюционную эмиграцию в качестве одной из наиболее опасных угроз безопасности своего государства.

Практическая значимость. Впервые в научный оборот введены некоторые архивные документы, дающие более точное представление о формировании советской позиции в отношении планов Ф. Нансена по масштабной репатриации русских эмигрантов на родину в 1920-е гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

русская пореволюционная эмиграция, русские беженцы, Советское государство, российское зарубежье, Лига Наций

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Антибольшевизм русской эмиграции](#)

[Возможности и пределы внешней политики большевиков в сфере противодействия антисоветским планам представителей эмиграции](#)

[Официальная Москва и международная помощь русским беженцам в первой половине 1920-х гг.](#)

[Заключение](#)

N. Vasilyeva, A. Sidorov

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
pr-t Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation*

THE PROBLEM OF RUSSIAN POST-REVOLUTIONARY EMIGRATION IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL POSITION OF THE SOVIET STATE IN THE FIRST HALF OF THE 1920S

ABSTRACT

Aim. To consider the Soviet perception of Russian post-revolutionary emigration in the context of the key foreign policy challenges to the Soviet Country of the first half of the 1920s.

Methodology. On the basis of the principles of historicism and scientific objectivity, the authors analyzed a number of archival and official Soviet documents, as well as parts of the memoirs and journalistic heritage of the Russia Abroad related to the research.

Results. It is concluded that during this period the Bolsheviks considered the post-revolutionary emigration as one of the biggest threats to the security of the young Soviet state.

Research implications. The article introduced for the first time into the scientific circulation some archival documents that give a more detailed idea of the formation of the Soviet position regarding the plans of F. Nansen for a large-scale repatriation of Russian emigrants to their homeland in the 1920s.

KEYWORDS

Russian post-revolutionary emigration, Russian refugees, Soviet Russia, Russia Abroad, the League of Nations

ВВЕДЕНИЕ

Одним из последствий инициированного большевиками после октября 1917 г. масштабного процесса советизации России стало массовое переселение людей по политическим причинам, получившее в истории название первой волны русской пореволюционной эмиграции и изначально представлявшее в глазах советских руководителей серьёзную проблему на пути укрепления их государством своих позиций на международной арене. Уникальность этого явления определялась целым рядом важных факторов. Прежде всего, от других миграционных потоков и поколений политических беженцев как российского, так и иностранного происхождения данное эмигрантское сообщество разительно отличалось не только своей беспрецедентной численностью¹, но и крайне обширной географией рассеивания его

¹ Советские источники, как правило, определяли численный состав Российского Зарубежья в 1920-е гг. 1,5–2 млн чел. Собственно же эмигрантские издания обычно оценивали масштабы последнего в пределах от 2 до 3,5 млн чел. А некоторые из них даже называли цифру в 9–10 млн чел., причисляя к нему «значительные группы русского населения, оказавшиеся – в силу международных договоров и отхода от России целых областей – вне пределов родины, но говоривших по-русски, считавших себя русскими и тяготевших к тем культурным центрам, в которых сосредоточилось русское рассеяние 1920–1925 годов» [8, с. 14].

представителей. Помимо Польши, Германии и остальных государств Центральной и Восточной Европы, которые на заре 1920-х гг. приютили по меньшей мере три четверти всех вынужденных изгнанников из России [19, р. 187], крупными центрами сосредоточения т. н. белоэмигрантов на Европейском континенте стали тогда Франция и Бельгия, а на Дальнем Востоке – Китай². При этом отдельные группы российских политических беженцев оказались также в США и Канаде, в странах Центральной и Южной Америки, в Австралии, Индии, Новой Зеландии, Африке и даже на Гавайских островах [13, с. 59].

Целью настоящей работы является анализ феномена русской пореволюционной эмиграции в контексте ключевых внешнеполитических вызовов Стране Советов первой половины 1920-х гг.

На базе принципов историзма и научной объективности авторами проведён анализ ряда архивных и официальных советских документов, а также части мемуарно-публицистического наследия зарубежной России, относящихся к проблематике исследования.

АНТИБОЛЬШЕВИЗМ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

По своему социальному, конфессиональному, национальному и профессиональному составу указанная волна отечественной эмиграции напоминала уменьшенную копию всей «великой России», хотя и в несколько измененных пропорциях. И в то же время она объединяла в себе многочисленных представителей как правого, так и левого фланга отечественной политики, которые не пожелали или не сумели интегрироваться в большевистский проект советской государственности. Правда, как утверждал позднее бывший лидер кадетов и один из вождей Февральской революции в России, а впоследствии видный политэмигрант П. Н. Милуков, «уже в силу связи эмиграции и беженства с только что минувшим периодом «белой» борьбы», обладающим в их политических кругах с самого начала всё же признавалось реставрационно-монархическое течение, «господствовавшее» в конце Гражданской войны среди «белых армий». «Никто не считал сторонников этого течения, – вспоминал он, – но как-то было принято на веру допущение демократической печати, что 85% эмиграции являются сторонниками монархии и только 15% могут считаться республикански настроенными» [10, с. 6].

Более того, в первые пореволюционные годы в условиях сохранявшейся дипломатической блокады РСФСР, а позднее СССР со стороны ведущих ми-

² По официальным данным Лиги Наций, к осени 1924 г. в Китае находились порядка 60 тыс. российских беженцев (по сводкам китайского правительства – 70 тыс.), большая часть которых была сосредоточена в Маньчжурии (Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7067. Оп. 1. Д. 514. Л. 8 об.). Однако представители самих эмигрантских кругов сообщали в тот период о пребывании как минимум 200 тыс. русских белых на китайской территории [1, с. 127].

ровых держав во многих уголках земного шара де-факто продолжали функционировать посольства и консульства добольшевистской России, которые были открыты ещё по распоряжению царского или Временного правительств и категорически отказывались признавать легитимность новой власти на территории их родного государства. Согласно информации, предоставленной в июне 1921 г. генеральному секретарю Лиги Наций Э. Драммонду российским «чрезвычайным посланником и полномочным представителем» в Берне И. Н. Ефремовым, подобные заграничные учреждения существовали в тот период, например, во Франции, Великобритании, Италии, Японии, Корее, США, Испании, Бельгии, Болгарии, Дании, Египте, Нидерландах, Польше, Румынии, Швеции и Швейцарии³. Их деятельность в этих государствах не ограничивалась только оказанием неофициальной консульской помощи своим соотечественникам за рубежом. Наряду с другими авторитетными представителями политической беженской диаспоры, дипломаты-эмигранты также нередко выступали в роли приглашённых экспертов по «русскому вопросу», благодаря чему эмиграции удавалось оказывать «хотя и косвенное, но всё же весьма значимое воздействие ... на правящую элиту западных стран» [11, с. 216]. По свидетельству последнего российского посла досоветской эпохи в Париже В. А. Маклакова, в первые пореволюционные годы он, как и многие его коллеги по дипломатической работе, видел собственную задачу в том, чтобы, с одной стороны, «мешать Европе ставить ставку на большевизм и начать ему помогать», а с другой – «помешать той же Европе ставить ставку на расчленение России или на её материальное расхищение» [14, с. 78].

Ярким примером данного направления в рамках общей антисоветской деятельности русской эмиграции в первой половине 1920-х гг. можно считать многочисленные петиции, воззвания и меморандумы представителей её дипломатических кругов, а также различных эмигрантских объединений, адресованные отдельным западным лидерам и правительствам в период подготовки и проведения Генуэзской конференции 1922 г. Этот форум стал первой крупной международной встречей, на которую Советская Россия была официально приглашена наравне с другими европейскими странами. В глазах пореволюционных эмигрантов, участие её делегатов в Генуэзской конференции могло стать прологом к столь нежеланной для российского зарубежья общей нормализации отношений между «Совдепией» и представителями Версальской Европы. Тем более что сами большевики воспринимали своё приглашение на это общеевропейское мероприятие как крупный внешнеполитический успех молодой Страны Советов на международной арене. «Генуэзская конференция для Советской России сыграла роль глубокой разведки в тылу неприятеля, – с гордостью отмечал в 1922 г. член делегации РСФСР Б. Е. Штейн, – После Генуи мы знаем слабые и сильные места против-

³ ГАРФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 566. Л. 13 об., 14 об.

ника лучше, чем до Генуи. После Генуи мы больше верим в себя и собственные силы, чем до Генуи. И в этом наша колоссальная победа на конференции» [17, с. 126].

Один из меморандумов, составленный 5 мая 1922 г. от имени действовавшего в Париже Русского национального комитета (РНК), был даже направлен тогдашнему главе Римско-католической церкви Пию XI, занявшему папский престол всего за два месяца до созыва самой Генуэзской конференции. Новоизбранный понтифик имел репутацию «закоренелого антисоветчика» и «ярого врага коммунизма» [4, с. 178]. Поэтому авторы данного документа надеялись найти в его лице влиятельного союзника в деле борьбы за недопущение дипломатического признания Западом большевистского режима и препятствования установлению постоянных торговых контактов между капиталистическими державами и Советской Россией. «Мы знаем, – говорилось в послании, – что коммунизм представляет из себя ещё большее зло и большую опасность, чем каннибализм... Коммунисты своими принципами буквально убивают людей духовно и физически. Их идеал, в сущности, не может быть реализован без предварительного уничтожения современного цивилизованного человека и его представлений о человеческом обществе; он неосуществим без превращения свободного человека в раба или полное чудовище. Мы, другие русские, единственные, кто по своему опыту от и до знает все ошибки этой сатанинской системы, и мы никогда не откажемся от своего изначального убеждения, что коммунизм и цивилизация так же несовместимы, как вода и огонь»⁴. В связи с этим представители РНК призывали Пия XI и других европейских государственных мужей Версальской Европы не верить в возможность какой-либо эволюции «московского коммунизма», а, напротив, принять самое активное участие в организации глобального «крестового похода против сил Третьего Интернационала»⁵.

Другой важной особенностью русской пореволюционной эмиграции в первой половине 1920-х гг. являлся её значительный мобилизационный потенциал, поскольку многие из белоэмигрантов, попав в изгнание, ещё в течение достаточно долгого времени продолжали активно участвовать в общественно-политической жизни зарубежной России, надеясь таким образом ускорить падение ненавистного им советского режима и приблизить день своего собственного возвращения на родину. Так, по словам Мишеля Фёдорова, внука и биографа бывшего царского министра, а позднее крупного деятеля Белого движения и пореволюционной эмиграции М. М. Фёдорова⁶, даже во время «великого исхода» врангелевской армии из Крыма в ноябре 1920 г., формально завершившего Гражданскую войну в европейской части страны,

⁴ Lettre ouverte au Pape du Comité National Russe // ГАРФ. Ф. 10113. Оп. 1. Д. 34. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ В 1922 г. М. М. Фёдоров станет одним из подписантов упомянутого выше воззвания РНК к папе Пию XI.

его 62-летний дед как человек и политик не был психологически сломлен или морально раздавлен. Напротив, его уверенность в неокончателном характере поражения антибольшевистских сил на российской территории день ото дня только укреплялась. «Уже в пути и затем в Константинополе с другими беженцами, – отмечал М. Фёдоров в своём исследовании, – он начал строить планы по созданию в тех странах, где придётся теперь жить, организаций для политической борьбы с советской властью. Он был убеждён, что этот бесчеловечный и кровавый режим не продержится долго, что русский народ восстанет и свергнет его. Но, чтобы помочь такому восстанию, русские в изгнании должны поддерживать единство и суметь организоваться для такой борьбы» [16, с. 107].

Заметный вклад в поддержание «боевого духа» русского беженства, несмотря на всю его идейную и политическую неоднородность, в первой половине 1920-х гг. вносила также и эмигрантская пресса, воспринимавшаяся советской стороной как мощное пропагандистское оружие в руках контрреволюционных сил. Многочисленные периодические издания российского зарубежья призывали своих читателей не прекращать борьбы с большевизмом даже в условиях вынужденного изгнания, поскольку от этого, по их мнению, во многом зависело будущее самой эмиграции. «Отныне не должно быть русских людей апатичных, равнодушных, нетчиков, – писала, например, летом 1921 г. влиятельная эмигрантская газета «Общее дело», – Последние – великое зло для всякого общественного дела, а для нашего русского дела в его теперешнем фазисе – прямо губительно. “Аполитичным” можно быть тогда, когда жизнь государства идёт нормально, в здоровых условиях; но если во всей наготе стал вопрос для родины – “быть или не быть”, аполитичность граничит с дезертирством, граничит с предательством и уже во всяком случае с преступным эгоизмом и трусостью»⁷.

Не меньшую опасность для Советского государства представляла и тогдашняя деятельность военных кругов российского зарубежья, объединявших в первой половине 1920-х гг., по подсчётам некоторых отечественных историков, свыше 300 тыс. бывших солдат и офицеров Императорской и антибольшевистских армий периода Гражданской войны [3, с. 17]. По воспоминаниям известного деятеля российской эмиграции в Харбине – генерала В. А. Кислицына, – многие из этих людей, включая его самого, находясь в изгнании, постоянно осознавали необходимость «вести борьбу за освобождение родины от большевиков», поскольку «без этого самая жизнь казалась не имеющей цены» [7, с. 122–123].

Наиболее консолидированную часть пореволюционной военной эмиграции в первые годы её существования составляли т. н. врангелевцы – быв-

⁷ Общее дело. 1921. 23 июня // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 3. Д. 508. Л. 43.

шие офицеры и солдаты Русской армии, дислоцировавшейся после своей эвакуации из Крыма сначала в специально оборудованных лагерях в Турции и на греческом острове Лемнос, а позднее расквартированной на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), а также Болгарии. П. Н. Врангель и его сторонники в эмигрантской среде рассматривали данное воинское формирование⁸ в качестве единственной реальной силы, способной сплотить вокруг себя всех сторонников возрождения великой России. Именно поэтому наиболее важной для себя задачей они полагали сохранение организованного порядка и боеспособности эвакуированных за границу белогвардейских частей, попутно призывая мировое сообщество не сотрудничать в какой-либо форме с «преступным» советским режимом и не отказываться от дальнейшей политической и материальной поддержки крымских беженцев до полного восстановления мира и порядка в их многострадальном отечестве. «Умиротворение и воссоздание России – существенное условие умиротворения всего цивилизованного мира. В интересах всех держав – ускорить момент этого умиротворения...»⁹ – говорилось в одном из обращений П. Н. Врангеля, адресованном в марте 1921 г. Лиге Наций, иностранным правительствам и их народам. Кроме того, бывший правитель юга России обращал внимание своей международной аудитории на необходимость существования подконтрольных ему воинских подразделений «не только для продолжения борьбы с умирающим большевизмом», но и для «сохранения той общественной силы», в которой российское государство «испытывает острую нужду в день, когда большевизм рухнет и его неминуемо сменит эра хаоса и полной анархии»¹⁰. И в этом вопросе с ним тогда были согласны многие невоенные деятели эмиграции. В частности, в том же 1921 г. известный российский публицист, философ, историк и политэмигрант П. Б. Струве, заочно приговорённый в РСФСР к смертной казни, решительно утверждал в одной из статей: «Может быть, по объективным причинам, мы не можем сохранить армию как наличную воинскую организацию. Но как бы не решился этот внешний и формальный вопрос, являющийся для внешних сил, от которых мы зависим, для одних – вопросом, прежде всего, финансовым, а потом политическим, для других – прежде всего политическим, а потом финансовым вопросом, – русские люди, желающие действительно бороться с большевизмом, должны всемерно блюсти дух и идею армии. Ибо без креп-

⁸ Как следует из данных, опубликованных 14 января 1923 г. в авторитетной эмигрантской газете «Новое время», в ходе т. н. великого исхода врангелевцев из Крыма поздней осенью 1920 г. на 126 судах, отплывших к берегам Турции, было эвакуировано в общей сложности около 140 тыс. человек. Из них чуть более половины (56%) составляли представители белого воинства, остальные беженцы являлись гражданскими лицами.

⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 502. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 17.

кой дисциплинированной армии Россия не может быть восстановлена» [15, с. 210].

Даже после официального расформирования Русской армии в мае 1922 г. бывшее белое воинство, рассеянное волею судеб по разным странам мира, ещё в течение достаточно долгого времени не оставляло попыток сохранить в своих рядах строгую внутреннюю организацию и дисциплину, несмотря на все материальные тяготы и бытовые трудности беженской жизни. Это выражалось, например, в деятельности различных армейских объединений, которые были тогда сформированы в составе российского зарубежья, – Общества галлиполийцев, Военно-морского союза, Союза бывших кадров Донского корпуса, Союза георгиевских кавалеров и др. В то же время в крупных центрах сосредоточения пореволюционных эмигрантов – в Праге, Париже и Харбине – возникали высшие и средние учебные заведения специального военного и невоенного характера. В их стенах наряду с обычными студентами проходили обучение и многие военнослужащие, приобретавшие таким образом мирные профессии и нередко создававшие в рамках этих образовательных учреждений свои общественные организации и группы. В некоторых случаях последние использовались и как завуалированные центры антисоветской диверсионно-террористической деятельности [3, с. 39].

По сведениям одного из руководителей русской военной эмиграции генерала Е. К. Миллера, к осени 1924 г. созданные в её рядах офицерские союзы существовали в Сербии, Болгарии, Греции, Венгрии, Германии, Бельгии, Франции, Великобритании, Италии, Дании и даже вольном городе Данциге. В других же европейских государствах, где образование подобных организаций было по политическим причинам запрещено (например, в Чехословакии, Польше, Финляндии, Румынии, Литве, Латвии и Эстонии), бывшее белое воинство «в своем тяготении к взаимному сближению» находило выход в создании «рабочих артелей» или просто группировалось «около какого-нибудь более авторитетного офицера»¹¹. Несмотря на все тяготы и лишения первых лет эмигрантского существования, участники данных объединений, по их же собственному признанию, оставались преданными идее продолжения борьбы с большевиками и были готовы в любую минуту выступить под началом П. Н. Врангеля в новый поход против Советского государства. Примером такого преданного отношения к «главному делу» эмиграции может служить позиция членов сербского отделения Общества галлиполийцев¹²,

¹¹ Из доклада «Армия», сделанного генералом Е. К. Миллером 13 сентября 1924 г. на конференции Национального союза в Париже // ГАРФ. Ф 5974. Оп. 4. Д. 7. Л. 6 об.

¹² Общество Галлиполийцев было основано в ноябре 1921 г. чинами 1-го армейского корпуса Русской армии под командованием генерала А. П. Кутепова, расквартированного после эвакуации из Крыма в лагерях на Галлиполийском полуострове в Турции. Последующее вынужденное перемещение врангелевцев на Балканы привело к тому, что многие из «галлиполийцев», оказавшихся на территории КСХС, по договорённости с властями этого государства поступили на службу в местную пограничную стражу.

которые в октябре 1922 г. так определили основную цель своей деятельности на чужбине: «Там в беженстве – погоня за личным устройством жизни, мелкие интриги, забвение дорогих идеалов. Здесь – отдача всего себя для дела сохранения Армии, жизнь полная мелких, нудных уколов по самолюбию, во имя России, жизнь бескорыстная. И все офицеры мыслят так. Только для России проходится длительный подвиг отречения от личного “я”, только ею живут и готовятся для борьбы за её освобождение. Ей отданы и молодые годы, и упования, и надежды. Остаются сознательно в Армии для России, а не потому, что не могут лучше устроить свою частную жизнь или по пассивности, как многие это говорят»¹³.

Для согласования деятельности всех воинских учреждений внутри эмиграции в сентябре 1924 г. под началом генерала П. Н. Врангеля был создан Русский общевоинский союз (РОВС), в который, помимо самих врангелевцев, влилось большинство офицерских обществ и других групп бывших военнослужащих, не имевших ранее связей с Русской армией, но пожелавших к ней примкнуть. Таким образом, новообразованная организация практически сразу же стала самым массовым объединением в составе зарубежной России, насчитывая в своих рядах в первые годы существования до 100 тыс. человек и имея отделения в различных странах Европы, Южной Америки, США и Китае.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АНТИСОВЕТСКИМ ПЛАНам ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭМИГРАЦИИ

Вполне естественно, что столь обширная и многогранная деятельность белоэмигрантских формирований за рубежом, осуществлявшаяся в тот период на фоне всё ещё сохранявшейся общей напряжённости между Страной Советов и крупнейшими государствами «буржуазного мира», находилась в сфере пристального внимания советских властей. В июле 1921 г. В. И. Ленин, выступая на III Конгрессе Коминтерна, заметил по этому поводу: «Теперь, после того, как мы отразили наступление международной контрреволюции, образовалась заграничная организация русской буржуазии и всех русских контрреволюционных партий. Можно считать число русских эмигрантов, которые рассеялись по всем заграничным странам, в полтора или два миллиона. Почти в каждой стране они выпускают ежедневные газеты, и все партии, помещичьи и мелкобуржуазные, не исключая и социалистов-революционеров, и меньшевиков, имеют многочисленные связи с иностранными буржуазными элементами, т. е. получают достаточно денег, чтобы иметь

¹³ Из Вестника Главного Правления Общества Галлиполийцев, изданного в 1924 г. в Белграде к трёхлетию этой организации // ГАРФ. Ф 5974. Оп. 4. Д. 34. Л. 69.

свою печать... Это... конечно, затрудняет нашу работу, потому что эти русские контрреволюционные эмигранты пользуются всеми средствами для подготовки борьбы против нас» [9, с. 39]. И эти ленинские слова стали своего рода сигналом к серьёзному ужесточению используемых ранее советскими властями методов противодействия любым исходившим от пореволюционной эмиграции угрозам, следствием чего стало, например, лишение в начале 1920-х гг. её представителей всяких гражданских и имущественных прав на российской территории¹⁴.

Наряду с этим руководству Страны Советов удалось существенно ограничить политические и военные возможности противников большевизма, оказавшихся на исходе Гражданской войны в пределах бывших национальных окраин царской России: Эстонии, Литвы, Латвии, Финляндии и Польши. Власти этих государств-лимитрофов желали избежать лишних трудностей в отношениях с Москвой. Поэтому, по условиям мирных договоров, заключённых ими в 1920–1921 гг. с РСФСР, они согласились безотлагательно разоружить на своей территории все белогвардейские части, а также запретить любую антисоветскую деятельность русских эмигрантов и их зарубежных покровителей.

Подобная договорённость обязывала также прибалтов и поляков не допускать пребывания в собственных государствах организаций, групп, представительств и должностных лиц, «претендующих на роль правительства» или «имеющих своей целью низвержение правительства другой договаривающейся стороны»¹⁵. Через их морские и сухопутные границы воспрещалось осуществлять перевозку всего, что могло быть использовано для нападения на Советскую Россию, особенно принадлежавших третьим странам и различным эмигрантским учреждениям «военного имущества, военно-технических средств и материалов артиллерийских, интендантских, инженерных и воздухоплавательных»¹⁶.

Правда, польское правительство, заключившее в марте 1921 г. Рижский мирный договор с РСФСР и УССР, который гарантировал им «воздержание»

¹⁴ Практически одновременно с эвакуацией врангелевских войск из Крыма, 10 ноября 1920 г. СНК принял постановление «О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы РСФСР», объявившее его собственностью государства. Год спустя, 15 декабря 1921 г. появился на свет другой декрет советского правительства «О лишении прав российского гражданства», который фактически закрыл большинству пореволюционных беженцев легальные пути возвращения на родину. А в марте 1922 г. СНК были изданы ещё два постановления – «Об истребовании предметов домашнего обихода бывшими собственниками от их фактических владельцев», заявившее о невозможности требовать возвращения экспроприированного на основании революционного права имущества, и «О конфискации и реквизициях имущества частных лиц в местностях, освобождённых от неприятеля», лишившее также прав собственности россиян, «добровольно ушедших с противником при эвакуации».

¹⁵ Мирный договор между Россией и Латвией от 11 августа 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М.: Госполитздат, 1959. С. 104.

¹⁶ Там же.

от любого вмешательства во внутренние дела, и в частности «от агитации, пропаганды и всякого рода интервенций, либо их поддержки»¹⁷, ещё в течение достаточно долгого времени фактически саботировало выполнение этого обязательства. Завершение Советско-польской войны 1920–1921 гг. не привело к немедленной ликвидации различных политических организаций, повстанческо-диверсионных и вооружённых групп, созданных белоэмигрантами на подконтрольных полякам территориях для продолжения борьбы с большевизмом в России. Кроме того, эти антисоветские формирования продолжали осуществлять свою подрывную деятельность при явном попустительстве властей Польши, что крайне негативно отражалось на отношениях между Москвой и Варшавой. Представители РСФСР не раз упрекали польское правительство в том, что «под маской мира» оно «вело против Советских Республик действия, равносильные некоторым формам ведения войны»¹⁸.

По итогам напряжённых переговоров с большевиками, продолжавшихся более полугодом, руководство Польши всё же согласилось выслать наиболее влиятельных участников эмигрантских объединений. В октябре 1921 г. с польской территории были депортированы около двух десятков видных членов Народного союза защиты Родины и Свободы (НСЗРиС) во главе с его отцом-основателем Б. В. Савинковым, что значительно сузило политические возможности и материальную базу этой антисоветской организации. И хотя сам Б. В. Савинков неоднократно заявлял в Праге, а затем и в Париже, куда он впоследствии перебрался, что НСЗРиС, несмотря на высылку его сторонников из Польши, всё же сохранил свою жизнеспособность, по меткому выражению известного отечественного исследователя Г. З. Иоффе, в столь оптимистичных декларациях «было больше, как теперь говорят, «пиара», чем отражения истинного положения вещей». Отныне савинковцы лишились поддержки польских властей, к тому же «усложнились или были утрачены связи с организациями и ячейками НСЗРиС, находившимися на советской территории» [5].

Одновременно официальная Москва хотела не допустить массового возвращения белоэмигрантов на родину, за которое в начале 1920-х гг. активно ратовали правящие круги Германии и ряда других европейских стран, а также Верховный комиссар Лиги Наций по делам русских беженцев Ф. Нансен. Несмотря на то, что в указанный период этот всемирно известный полярный исследователь, учёный и общественный деятель из Норвегии лично сыграл важную роль в организации зарубежных поставок гуманитарной помощи миллионам жертв страшного голода в Советской России, руководство

¹⁷ Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой от 18 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М.: Госполитздат, 1959. С. 623.

¹⁸ Из ноты правительства РСФСР правительству Польши от 4 июля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитздат, 1960. С. 207.

последней крайне неодобрительно отнеслось к озвученным им планам по масштабной репатриации представителей российского зарубежья. Основная масса беженцев, которых Ф. Нансен предполагал переселить в Страну Советов, была сосредоточена в государствах, чьи правительства отказывались признавать большевистский режим. Вследствие этого возможности ОГПУ, связанные с проведением за границей тщательной проверки на благонадёжность потенциальных репатриантов, носили весьма ограниченный характер, а в некоторых случаях и вовсе отсутствовали¹⁹.

К тому же, как сообщал в феврале 1925 г. один из руководителей отечественной дипломатии М. М. Литвинов, в условиях существовавшей в то время в Советском государстве безработицы репатриантам не всегда удавалось трудоустроиться на родине, что вызвало у них «обратную тягу за границу». А сообщения, которые эти люди отправляли затем из СССР в другие страны, приносили «больше вреда, чем отказы в выдаче им паспортов»²⁰.

В свете вышеизложенного советское правительство заявляло об «абсолютной недопустимости» предоставления каким-либо выходцам из эмигрантской среды статуса граждан СССР без одновременного разрешения вернуться на родину. Отмечая важность такого подхода к вопросу о репатриации, тот же М. М. Литвинов писал: «Пока мы отрицаем за эмигрантами право на советское гражданство, иностранные государства нам навязывать их не могут. С момента же выдачи им советского паспорта иностранные правительства получают право насильственной отсылки их на родину. Так как с получением советского паспорта каждый эмигрант попадает в полицейские списки нежелательных и опасных элементов, то правительства стараются немедленно от них отделяться»²¹.

В результате предпринятых советским руководством запретительных мер к середине 1920-х гг. переселение эмигрантов в СССР так и не приобрело массового характера. Сформулированная в начале этого десятилетия Ф. Нансеном идея добровольной репатриации свелась в конечном итоге к возвращению из эмиграции в «новую» Россию всего нескольких десятков тысяч публично раскаявшихся и заявивших о своём отказе участвовать в антисоветской деятельности рядовых и офицеров бывших белых армий преимущественно рабоче-крестьянского происхождения, а также отдельных гражданских беженцев, многие из которых впоследствии были репрессированы

¹⁹ В частности, в ноябре 1925 г. созданная по инициативе Политбюро ЦК РКП(б) специальная Комиссия по белой эмиграции постановила считать «преждевременным» решение вопроса о реэмиграции из заокеанских стран, «поскольку мы не имеем там своего аппарата для фильтрации». См.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 52. П. 346. Д. 55435. Л. 48.

²⁰ Из докладной записки М. М. Литвинова Генеральному секретарю ЦК РКП(б) И. В. Сталину от 21 февраля 1925 г. // Там же. Л. 12.

²¹ Там же.

большевиками²². Подавляющее же большинство белоэмигрантов вообще её отвергли, полагая, что в сложившихся обстоятельствах «любовь к отчизне не устраняет рокового отличия родины от власти»²³.

Принимая во внимание изначально критическое отношение к идее масштабной репатриации со стороны как большевиков, так и собственно революционной эмиграции, сам Ф. Нансен вскоре был вынужден признать малореалистичный характер своих прежних планов. Хотя его контакты с представителями СССР по этому вопросу продолжались ещё в течение нескольких лет и способствовали добровольному возвращению на родину отдельных белоэмигрантов даже во второй половине 1920-х гг.

Наконец, ещё одной достаточно эффективной формой борьбы с враждебной деятельностью многочисленных эмигрантских объединений являлось прямое внедрение в их состав советских агентов, которые стремились ослабить и разложить данные структуры изнутри посредством создания в рамках зарубежной России нацеленных на примирение с большевистским режимом групп беженцев. Подобной деятельностью занимались, например, члены созданного в 1922 г. в Болгарии Союза возвращения на Родину, или Совнарода. Эта эмигрантская организация официально подчинялась миссии советского Красного Креста, функционировавшей в тот период на болгарской территории, и формально ставила задачу содействия репатриации максимально большого числа беженцев, лояльно настроенных по отношению к новым властям их родного государства. В первой половине 1920-х гг. при непосредственном участии Совнарода из Болгарии в Страну Советов было перемещено около 11 тыс. представителей российской беженской диаспоры. Однако этим его роль в жизни эмигрантов отнюдь не ограничивалась. Как отмечает в своём труде современный болгарский историк Ц. Кёсева, Союз возвращения на Родину с самого начала «вносил раскол в эмигрантскую общность, вёл яростную агитацию против Белого движения и организовывал ряд провокаций среди русских организаций» [6, с. 93].

ОФИЦИАЛЬНАЯ МОСКВА И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ РУССКИМ БЕЖЕНЦАМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Впрочем, усилия большевиков по противодействию деятельности их идеологических оппонентов из числа находившихся за границей россиян осложнялись той правовой и материальной поддержкой, которую оказывали белоэмигрантам новообразованная Лига Наций и правительства отдельных иностранных государств. В. И. Ленин и его соратники с нескрываемым раз-

²² Согласно официальным советским данным, за десять лет в период с 1921 по 1931 гг. в Россию из эмиграции возвратились в общей сложности около 181 000 чел. [18, с. 100, 210], хотя некоторые зарубежные исследователи считают эту цифру сильно завышенной.

²³ Последние новости. 1923. 21 марта // АВР РФ. Ф. 04. Оп. 50. П. 310. Д. 54665. Л. 7 об.

дражением воспринимали любые сообщения об активном участии мирового сообщества в судьбах людей, относившихся, согласно большевистской пропаганде, к двум категориям бывших российских подданных: идейных врагов советской власти и примкнувших к ним «ущемлённых революцией обывателей» [2, с. 112]. Большевики изначально рассматривали международную помощь зарубежной России в качестве очередного свидетельства общей антисоветской направленности политики Лиги Наций и связанных с ней империалистических держав. Так, 17 июня 1921 г., в день открытия 13-й сессии Совета Лиги, в повестку которой было включено обсуждение вопроса о создании под её эгидой специальной структуры для решения проблемы русских беженцев, руководство РСФСР направило властям Великобритании ноту с изложением своих взглядов в отношении указанной инициативы, содержащую следующее заявление: «Зная... по опыту прошлого, что во многих случаях под покровом филантропии оказывалась реальная поддержка контрреволюционным движениям, Российское правительство считает себя вынужденным заявить, что оно будет рассматривать как прямую поддержку русских контрреволюционных сил всякую помощь, оказываемую остаткам мятежных русских армий, до тех пор, пока они держатся в виде компактных масс, сохраняют свою военную организацию и подчиняются своим прежним командирам, а также всякую помощь, оказываемую через посредство различных так называемых “русских комитетов” или “советов”, которые под видом заботы о русских беженцах в действительности являются центрами контрреволюционной деятельности»²⁴.

Советская сторона также добивалась срыва заявленных Лигой Наций планов по использованию для нужд эмиграции финансовых средств прежних российских властей, оставшихся после Октября 1917 г. за границей. Руководство РСФСР полагало себя единственным законным обладателем этих внушительных сумм и потому решительно протестовало против «акта произвола и насилия различных правительств, которые без его ведома и согласия овладели принадлежащими ему денежными фондами»²⁵. Однако, не имея возможности вернуть указанные средства в Россию, большевики стремились не допустить их использования во враждебных им целях. Вот почему 10 июля 1921 г., спустя всего две недели после учреждения в Женеве должности Верховного Комиссара по делам русских беженцев, тогдашний нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин направил правительствам нескольких стран-участниц Лиги Наций официальную ноту, в которой в категорической

²⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитздат, 1960. С. 180–181.

²⁵ Из ноты правительства РСФСР правительствам Великобритании, Франции, Италии, Соединённых Штатов Америки, Германии, Австрии, Испании, Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Португалии, Швейцарии, Румынии, Югославии, Болгарии, Бразилии, Аргентины и Мексики от 10 июля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитздат, 1960. С. 219.

форме заявлялось о незаконности любых попыток использования принадлежавших РСФСР фондов для материальной поддержки убеждённых противников советской власти. «Всякая помощь, – говорилось в ней, – оказываемая русским эмигрантам при посредстве их организаций, неизбежно приобретает характер помощи действиям, направленным против этих [Советских] Республик. Только распределяемая через посредство полномочных органов Республики за границей эта помощь может быть оказываемая без риска превращения её в оружие, направленное против Советских Республик. Поэтому Российское правительство официально протестует не только против использования его фондов без его ведома, но также и против применения последних державами, образующими группировку, именующую себя Лигой Наций, что является враждебным актом по отношению к Российской Республике»²⁶.

Столь негативное отношение советского руководства к активному участию Лиги Наций и её государств-членов в решении правовых и материальных проблем пореволюционной эмиграции во многом объяснялось и той позицией, которую они заняли в вопросе об организации международной помощи в борьбе с возникшим в России в начале 1920-х гг. массовым голодом. Не имея достаточных средств для того, чтобы самостоятельно справиться с этой гуманитарной катастрофой, спровоцированной недалёковидной аграрной политикой самих большевиков, а также охватившей весной 1921 г. главные хлебопроизводящие районы страны тяжёлой засухой, власти РСФСР летом того же года были вынуждены обратиться за продовольственной и финансовой поддержкой к правительствам западных государств. Они заявили о готовности принять любую помощь, «совершенно не связывая её с существующими политическими отношениями»²⁷. Однако Лига Наций и ведущие мировые державы, в отличие от отдельных негосударственных организаций из Нового и Старого Света (Американской администрации помощи (АРА) во главе с будущим президентом США Г. Гувером и созданного европейскими благотворителями Международного комитета помощи России (МКПР) под руководством Ф. Нансена), фактически устранились от участия в ликвидации последствий столь страшного бедствия, оговорив возможность выделения большевикам необходимых на закупку продовольствия и медикаментов кредитов целым рядом заведомо невыполнимых для них условий. Ряд видных представителей российского зарубежья также поддержал эту циничную позицию, рассматривая вопрос о срочной организации продовольственных и других поставок в Страну Советов преимущественно как проблему политическую, а не гуманитарную. «Мы говорили раньше и повторим сейчас, что никакой сколько-нибудь серьёзной помощи голодающему населению в России не может быть оказано, пока у власти находятся большевики, – писал в

²⁶ Там же.

²⁷ Из ноты правительства РСФСР правительствам всех стран от 2 августа 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитздат, 1960. С. 252.

1921 г. известный отечественный журналист и деятель эмиграции В. Л. Бурцев – Поэтому мы устанавливаем, как незыблемое условие для борьбы за спасение родины, это – уничтожение власти большевиков ... Они (большевики – Н. В., А. С.) должны уйти сами или их надо “уйти” во что бы то ни стало. Никакого третьего, среднего, выхода нет»²⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дипломатическое признание СССР со стороны ведущих европейских государств в середине 1920-х гг. значительно укрепило его международные позиции и развеяло последние надежды многих представителей эмиграции на скорый крах советского режима. Несмотря на то, что некоторые видные деятели российского зарубежья продолжали в тот период публично заявлять о намерении бороться с большевиками «столь же последовательно и упорно, как и до сих пор» [12, с. 57], основная масса рядовых эмигрантов уже мало верила в конечный успех антисоветских планов собственных вождей и постепенно свыкалась с мыслью о неизбежном разрыве с родиной. К тому же, как отмечал в ноябре 1924 г. П. Н. Милюков, Запад во имя «сношений» с советской властью был готов теперь признать её «властью «народной», «пре-емницей» прежних правительств» [12, с. 58], лишив при этом эмиграцию права на своё национально-политическое представительство²⁹.

Отныне единственным последовательным защитником интересов вынужденных изгнанников из России на международной арене фактически остался Верховный комиссариат Лиги Наций по делам беженцев во главе с Ф. Нансеном, усилия которого по решению беженской проблемы ещё долгое время являлись постоянным объектом для критики со стороны руководства СССР. Однако это обстоятельство уже не могло серьёзно помешать переходу отношений между Москвой и Женевой на новый, более качественный уровень, связанный с началом постепенного сближения Советского государства с Версальской Европой. С середины 1920-х гг. представители СССР, придерживаясь негативных взглядов на Лигу Наций в целом, тем не менее уже допускали возможность собственного участия в её отдельных форумах и инициативах, имевших для их страны важное практическое значение в гуманитарной и других, преимущественно неполитических областях.

²⁸ Общее дело. 1921. 14 августа // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 510. Л. 49.

²⁹ Вследствие международно-правового признания СССР к середине 1920-х гг. подавляющее большинство дипломатических представительств «старой» России за границей было расформировано. Их сотрудникам пришлось уступить свои посты и здания посольств советским дипломатам. Однако многие из таких учреждений в результате ряда внутренних преобразований в дальнейшем всё же продолжили выполнять квазиконсульские функции в рамках российского зарубежья под вывесками различных эмигрантских комитетов или бюро по делам русских беженцев, существовавших в межвоенный период в отдельных странах.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 15.07.2023

Статья размещена на сайте: 30.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005. 430 с.
2. Белов В. А. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье: опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий эмиграции в наше время. М.; Петроград: Государственное издательство, 1923. 148 с.
3. Голдин В. И. Солдаты на чужбине: Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск: СОЛТИ, 2006. 794 с.
4. Григулевич И. Р. Папство. Век XX. М.: Политиздат, 1981. 532 с.
5. Иоффе Г. То, что было. К 130-летию со дня рождения Б. Савинкова [Электронный ресурс] // Новый журнал. 2009. № 255. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2009/255/to-chto-bylo-2.html> (дата обращения: 28.01.2022).
6. Кёсева Цв. Болгария и русская эмиграция 1920–1950-е годы / пер. с болг. Е. В. Михайлова. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2008. 312 с.
7. Кислицын В. А. В огне Гражданской войны: мемуары. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2016. 174 с.
8. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия 1920–1970. Н. Новгород: Чёрная Сотня, 2019. 610 с.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 44. М.: Издательство политической литературы, 1970. 725 с.
10. Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж: Изд. Респ.-Дем. объедин., 1926. 136 с.
11. Пивовар Е. И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 546 с.
12. П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. / отв. ред., сост. М. Г. Вандалковская. М.: РОССПЭН, 2012. 326 с.
13. Пушкарева Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1. С. 53–69.
14. Спор о России: В. А. Маклаков – В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / сост. О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2012. 438 с.
15. Струве П. Б. Историко-политические заметки о современности // Русская мысль. 1921. № 5-7. С. 208–224.
16. Фёдоров М. Между короной и наковальной: жизнь и судьба царского министра М. М. Фёдорова: 1958–1949 / пер. с фр Н. В. Ликвинцевой. М.: Русский путь, 2019. 240 с.

17. Штейн Б. Е. Генуэзская конференция. М.: Государственное издательство, 1922. 126 с.
18. Эмиграция и репатриация в России / В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева, М. В. Назаров, А. В. Окоороков. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 485 с.
19. Walters F. P. A History of the League of Nations. Oxford: Oxford university press, 1967. 833 p.

REFERENCES

1. Ablova N. E. *KVZhD i rossiiskaya emigratsiya v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)* [CER and Russian emigration in China: international and political aspects of history (first half of the XX century)]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2005. 430 p.
2. Belov V. A. *Beloe pokhmel'e. Russkaya emigratsiya na rasput'i: opyt issledovaniya psikhologii, nastroenii i bytovykh uslovii emigratsii v nashe vremya* [White hangover. Russian emigration at a crossroads: experience in studying the psychology, moods and living conditions of emigration in our time]. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoye izdatelstvo Publ., 1923. 148 p.
3. Goldin V. I. *Soldaty na chuzhbine: Russkii Obshche-Voinskii Soyuz, Rossiya i Russkoe zarubezh'e v XX–XXI vekakh* [Soldiers in a foreign land: Russian General Military Union, Russia and Russian Diaspora in the 20th–21st centuries]. Arkhangel'sk, SOLTI Publ., 2006. 794 p.
4. Grigulevich I. R. *Papstvo. Vek XX* [Papacy. XX century]. Moscow, Politizdat Publ., 1981. 532 p.
5. Ioffe G. [What happened. To the 130th anniversary of the birth of B. Savinkov]. In: *Novyi zhurnal* [New magazine], 2009, no. 255. Available at: <https://magazines.gorky.media/nj/2009/255/to-cto-bylo-2.html> (accessed: 28.01.2022).
6. Кюсева Цв. България и руската емиграция 20-те – 50-те години на ХХ в. (Rus. ed.: Mikhailov E. V., transl. *Bolgariya i russkaya emigratsiya 1920–1950-e gody*. Moscow, Biblioteka-fond «Russkoe zarubezh'e»; Russkii put' Publ., 2008. 312 p.).
7. Kislitsyn V. A. *V ognе Grazhdanskoi voiny: memuary* [In the fire of the Civil War: memoirs]. Moscow, Gosudarstvennaya publitsisticheskaya biblioteka Rossii Publ., 2016. 174 p.
8. Kovalevskii P. E. *Zarubezhnaya Rossiya 1920–1970* [Foreign Russia 1920–1970]. Nizhnii Novgorod, Chernaya Sotnya Publ., 2019. 610 p.
9. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 44* [Complete works. Vol. 44]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoi literature Publ., 1970. 725 p.
10. Milyukov P. N. *Emigratsiya na pereput'e* [Emigration at a crossroads]. Paris, Izd. Resp.-Dem. obyed. Publ., 1926. 136 p.
11. Pivovarov E. I. *Rossiiskoe zarubezh'e: sotsial'no-istoricheskii fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii* [Russian abroad: a socio-historical phenomenon, role and place in the cultural and historical heritage]. Moscow, RGGU Publ., 2008. 546 p.
12. Vandalovskaya M. G., ed. P. N. Milyukov: «russkii evropeets». *Publitsistika 20–30-kh gg. XX v.* [P. N. Milyukov: "Russian European" Journalism of the 20–30s. XX century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 326 p.

13. Pushkareva N. L. [The emergence and formation of the Russian diaspora abroad]. In: *Otechestvennaya istoriya* [National history], 1996, no. 1, pp. 53–69.
14. Budnitskaya O. V., comp. *Spor o Rossii: V. A. Maklakov – V. V. Shul'gin. Perepiska 1919–1939 gg.* [Dispute about Russia: V. A. Maklakov – V. V. Shulgin. Correspondence 1919–1939]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 438 p.
15. Struve P. B. [Historical and political notes on modern times]. In: *Russkaya mysl'* [Russian thought], 1921, no. 5-7, pp. 208–224.
16. Fédoroff M. Entre la couronne et l'enclume: la vie et le destin de Michel Fedorov, ministre du tsar (Rus. ed.: Likvintseva N. V., transl. *Mezhdru koronoi i nakoval'nei: zhizn' i sud'ba tsarskogo ministra M. M. Fedorova: 1958–1949.* Moscow, Russkii put Publ., 2019. 240 p.).
17. Shtein B. E. *Genuezskaya konferentsiya* [Genoa Conference]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatelstvo Publ., 1922. 126 p.
18. Iontsev V. A., Lebedeva N. M., Nazarov M. V., Okorokov A. V. *Emigratsiya i repatriatsiya v Rossii* [Emigration and repatriation in Russia]. Moscow, Popechitel'stvo o nuzhdakh rossiiskikh repatriantov Publ., 2001. 485 p.
19. Walters F. P. A History of the League of Nations. Oxford, Oxford university press, 1967. 833 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Васильева Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МГИМО МИД России; e-mail: Natalia_Vasilieva@rambler.ru

Сидоров Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МГИМО МИД России; e-mail: asidorov333@yandex.ru

Natalya Yu. Vasilyeva – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: Natalia_Vasilieva@rambler.ru

Andrey Yu. Sidorov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: asidorov333@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Васильева Н. Ю., Сидоров А. Ю. Проблема русской пореволюционной эмиграции в контексте международного положения Советского государства в первой половине 1920-х гг. // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Vasilyeva N. Yu., Sidorov A. Yu. The problem of Russian post-revolutionary emigration in the context of the international position of the soviet state in the first half of the 1920s. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru